

С. А. Комаров, О. К. Лагунова
**МАСТЕРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА УГРО-САМОДИЙСКИХ
 НАРОДОВ РОССИИ: ЭТНОПРОЕКТЫ, ТРАДИЦИОНАЛИЗМ,
 РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ***

doi: 10.30759/1728-9718-2021-2(71)-127-136

УДК 82-9:39(=944/945)

ББК 63.521(=665+667)

В статье системно обозначаются и анализируются проектные инициативы мастеров художественного слова трех поколений народов манси, ненцев и хантов. К первому поколению принадлежат родившиеся в 1910-е гг. (ненец Иван Истомина, манси Анна Конькова, хант Таисия Чучелина), ко второму поколению — родившиеся в 1930-е гг. (манси Юван Шесталов и Андрей Тарханов, ненец Леонид Лапцуй, ханты Мария Вагатова и Роман Ругин), к третьему поколению — родившиеся на рубеже 1940–1950-х гг. (ненцы Анна Неркаги и Юрий Вэлла, хант Еремей Айпин). Авторами статьи описывается мотивационная сфера творческой деятельности духовных лидеров коренных малочисленных народов в культурно-исторической динамике региона, с которым все они биографически связаны. Также предметно и оригинально выявляются семиотические основания синкретизма и традиционализма художественного продукта этносубъектов при всем разнообразии их письменных и акциональных проектов. В статье обозначается трансформация идентичности мастеров художественного слова при переходе страны от советского к постсоветскому опыту, а также сложности и характер их пребывания в писательских организациях вместе с русскими литераторами. По ходу исторической динамики прослеживается нарастание творческой активности, инициативности, национального самосознания представителей коренных малочисленных народов Северного Зауралья. Авторы статьи рассматривают опыт литераторов угро-самодийских народов в рамках современных представлений направления исторической поэтики в отечественной филологии.

Ключевые слова: *угро-самодийские народы России, мастера художественного слова, этнопроекты, традиционализм, региональный контекст, поколение, советская цивилизация, постсоветское развитие*

Мансийскую, хантыйскую и ненецкую литературы теоретики культуры «советской цивилизации»¹ относили к третьей группе национальных литератур, получивших письменность только в 1920-е гг. и последующие десятилетия и опиравшихся на фольклорное наследие в качестве единственного «художественного достояния», всего же в этой группе они насчитывали 40 национальных литератур.²

¹ См.: Синяевский А. Д. Основы советской цивилизации. М., 2001.

² См.: Оскоцкий В. Д. Советская литература // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 390, 391.

Комаров Сергей Анатольевич — д.филол.н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет (г. Тюмень)
E-mail: vitmark14@yandex.ru

Лагунова Ольга Константиновна — д.филол.н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет (г. Тюмень)
E-mail: vitmark14@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00503 «Модернизационный вызов в литературе Сибири» (рук. С. А. Комаров)

В зависимости от времени рождения их письменности литературы стали в научном дискурсе обозначать как новописьменные или младописьменные. Однако для устранения рисков возможных национальных обид по поводу данного обозначения так называемую приливную волну новых литератур, появившихся именно в Сибири,³ было предложено понимать как «единое фольклорно-литературное полиэтничное пространство»,⁴ то есть в качестве основы рассматривать именно традицию, в частности фольклорную, а не сроки создания письменности. Заметим, что данная попытка пересмотреть устойчивую понятийную сетку относится к рубежу XX–XXI столетий. В 1980-е гг. в качестве перспективной утвердилась мысль Н. И. Конрада, крупнейшего отечественного авторитета по взаимодействию Востока и Запада в мировой культуре, о свободе новых, в частности сибирских, литератур от канонического опыта античной и средневеко-

³ См.: Бикмухаметов Р. Г. Орбиты взаимодействий. М., 1983. С. 185.

⁴ Балданов С. Ж. Определение сущности понятия «Сибирь — единое фольклорно-литературное полиэтничное пространство» // Материалы науч.-практ. конф. преподавателей и сотрудников БГУ. Улан-Удэ, 2002. С. 3–10.

вой словесности и, значит, их особых возможностей свободного инновационного письма.⁵

Власть в «советской цивилизации» понимала сложность национального вопроса, поэтому в программе КПСС прямо формулировалось, что она, то есть правящая партия, «не допустит ни игнорирования, ни раздувания национальных особенностей».⁶ Благом для многих малочисленных народов России стал ленинский завет помогать «самостоятельному, свободному развитию каждой народности, росту и распространению литературы на родном для каждого языке»,⁷ а также «за годы, за десятилетия заглаживать культурный долг многих столетий».⁸ Авторитетным в этом контексте было и утверждение М. Горького, что «количество народа не влияет на качество талантов».⁹ На исходе «советской цивилизации» «стало общепризнанным, что в нашем многонациональном содружестве ныне столько эстетических центров, сколько и литератур».¹⁰

Одним из результатов данной системы программных установок для всего государственного аппарата страны явилось, во-первых, создание в Ленинграде сначала специального факультета народов Севера, затем Института народов Севера (1930 г.), во-вторых, особое внимание в региональных писательских организациях к представителям коренных малочисленных народов. Неслучайно, например, напутствуя создание в Тюмени в 1963 г. областной писательской организации, столичный посланец С. А. Баруздин подчеркивал в качестве одной из целей этого проекта: «Особенно хочется пожелать, чтобы новое отделение Союза писателей оказало свою влиятельную помощь становлению молодых литератур малых народов Крайнего Севера».¹¹ Именно система общественных лифтов «советской цивилизации» помогла нескольким поколениям мастеров художественного слова коренных угро-самодийских народов Зауралья прийти к своему чита-

телю и создать ряд успешных индивидуальных этнопроектов. Под этнопроектом понимается результативная инициатива субъекта творческой деятельности и/или административных структур по продвижению определенного этнического самосознания в публичную сферу восприятия и обсуждения. Понятие «мастер художественного слова» в качестве наиболее широкого охватывает случаи ориентированности субъекта как на устное, так и на письменное слово своего народа, что существенно для специфики культуры угро-самодийских народов, потому что представители их старшего поколения, например Т. С. Чучелина или А. М. Конькова, на наш взгляд, собственно литераторами или писателями могут быть названы весьма условно, но это не снижает высокой оценки их творческой деятельности.

Неслучайно в Институте народов Севера, являющемся подразделением РГПУ им. А. И. Герцена и одним из самых успешных макроэтнопроектов страны, образование студентов мыслится как многопрофильное, то есть оно является «адекватным реальному синкретизму, целостности этнической культуры и потому построенным на интеграции различных областей знания».¹² Здесь этнолингвистика и этнофилология прямо связываются «с другими элементами традиционной культуры — хозяйственной деятельностью, мифологией, религиозными верованиями, ритуально-обрядовой культурой, декоративно-прикладным искусством, устным народным творчеством, музыкальным и танцевальным фольклором».¹³ Специалисты института полагают, что «из способности к абстракции, к философичности, синкретичности, этической наполненности осознания мира возможен иной, действительно, неевропейский путь освоения точного знания».¹⁴

Множество выдающихся мастеров культуры угро-самодийских народов являются выходцами из Института народов Севера, например основоположник ненецкой литературы Л. В. Лапцуй, художник К. Панков (отец — ненец, мать — манси),¹⁵ хантыйские поэты и прозаики М. К. Вагатова, Р. П. Рутин, П. Е. Салтыков. Начинали в нем обучение классики

⁵ См.: Бикмухаметов Р. Г. Указ. соч. С. 184, 185.

⁶ Программа КПСС. М., 1976. С. 113.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М., 1974. Т. 39. С. 114.

⁸ Ленин В. И. О литературе и искусстве. М., 1976. С. 660.

⁹ М. Горький о литературе. М., 1953. С. 763.

¹⁰ Бикмухаметов Р. Г. Указ. соч. С. 234.

¹¹ Чернышов А. В. Тюменскому отделению Союза писателей — 40 лет (1963–2003). Тюмень, 2003. С. 25. О методологических ориентирах авторов данной статьи см.: Комаров С. А., Лагунова О. К. Модернизационный вызов в литературе Сибири: методологический ракурс // *Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ*. Барнаул, 2020. С. 317–320. Ср.: Эткинд А. Внутренняя колонизация: Имперский опыт России. М., 2018.

¹² Североведение в Герценовском университете. Институт народов Севера. СПб., 2003. С. 69.

¹³ Там же. С. 62, 75.

¹⁴ Там же. С. 65.

¹⁵ См.: Фёдорова Н. Н. Северный изобразительный стиль. Пути формирования: 1920–1930-е годы. Константин Панков // *Космос Севера*. Екатеринбург, 2005. Вып. 4. С. 48–57.

мансийской художественной словесности А. С. Тарханов и Ю. Н. Шесталов, хантыйский литератор М. И. Шульгин, но не заканчивали его по разным причинам.

Иной жизненный путь для себя первоначально избрала тундровая ненка А. П. Неркаги. Она сознательно уклонилась от поступления на факультет народов Севера в Ленинградский пединститут им. А. И. Герцена, а подала документы в Тюменский индустриальный институт. Это был действительно ее стратегический план на всю жизнь: «Я хотела найти на Полярном Урале все полезные ископаемые, которые перевернули бы многие представления ненцев о мироустройстве. Я считала, что смогу переделать свой народ. Эту идею мне внушила тогдашняя система. Ведь нам еще в интернате вдолбили, что прямо из первобытнообщинного строя, минуя все социально-экономические формации, шагают в коммунизм. И я с неистовостью взялась за исполнение своей мечты».¹⁶ Однако жизнь зачастую оказывается сложнее, чем юношеский проект представителя малочисленного народа, оказывающегося в студенческой среде большого города, возникают различные препятствия в виде болезней (туберкулез у А. П. Неркаги), непривычных учебных нагрузок, бытового дискомфорта. Поэтому многие талантливые литераторы предпочитают получать высшее образование не сразу после интерната или школы. Например, лесной ненец Ю. К. Вэлла сначала отслужил в армии, затем заочно учился в Литинституте им. М. Горького, где успешно ранее прошел очное обучение по рекомендации региональной писательской организации аганский хант Е. Д. Айпин. Свои дипломы о высшем образовании позднее получили и мансийские литераторы: Ю. Н. Шесталов — в Тюменском пединституте, А. С. Тарханов — на высших сценарных курсах в столице. А. П. Неркаги и М. И. Шульгин решили не заканчивать получение образования, но выбрали практическую работу в сфере культуры: ненецкий прозаик в качестве методиста окружного Дома культуры, хантыйский литератор в качестве школьного учителя. Однако вскоре они переключились на профессиональное писательство.

В условиях 1950–1960-х гг. национальные кадры, владевшие культурой письма, госу-

дарство активно использовало в журналистике: так, ненец И. Г. Истомин долгое время выпускал и редактировал на ненецком языке приложение к окружной газете «Красный Север» (ЯНАО), хант М. К. Вагатова занималась схожей деятельностью в столице ХМАО — Югре. В постсоветский период Р. П. Ругин был главным редактором журнала «Ямальский меридиан». Перебравшегося в Тюмень из Салехарда И. Г. Истомина, который с трех лет страдал полиомиелитом и с девяти лет передвигался на костылях,¹⁷ власти региона обеспечили квартиру в центре города — она на долгие годы стала центром духовного притяжения всех начинающих угро-самодийских литераторов,¹⁸ приехавших в Тюмень и готовивших свои рукописи для Средне-Уральского книжного издательства в Свердловске (ныне Екатеринбург) и для толстых журналов Урала и Сибири («Урал», «Сибирские огни»). Позднее эти автобиографические переживания И. Г. Истомин выразил в повести «Встань-трава» через мальчика Ильку, одного из самых запоминающихся персонажей северной прозы 1970-х гг. Можно сказать, что в литературах угро-самодийских народов в 1960–1970-е гг. был реализован коллективный этнопроект — галерея юных героев, прошедших путь становления личности.

В основе архитектоники этих повестей и поэм лежит ориентация авторов на жанровые образцы литературной архаики — героическую повесть и роман воспитания.¹⁹ В ряду с «Встань-трава» И. Г. Истомина тексты ненецких литераторов «Тёр» и «Эдейка» Л. В. Лапцуня, «Илир» А. П. Неркаги. Другим крупным этнопроектom является написание книги сказок, якобы принадлежащих одному сказочнику преклонного возраста — по образцу русского классического басенного девятикнижия «дедушки Крылова». В данном ряду «Ненецкие сказки» И. Г. Истомина и мансийские «Сказки бабушки Аннэ» А. М. Коньковой. Заметим, что это мастера слова одного поколения, родившиеся в 1910-е гг. Позднее

¹⁷ См.: Лагунов К. Я. Портреты без ретуши. Тюмень, 1994. С. 161, 162.

¹⁸ О системе поддержки молодых литераторов из малочисленных коренных народов в Тюменском регионе см.: Проза А. Неркаги в контексте русскоязычной культуры последней трети XX века. Тюмень, 2019. С. 33–91.

¹⁹ Об этих жанрах см.: Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986. С. 114–123; Бахтин М. М. Роман воспитания и его значение в истории реализма. <К «Роману воспитания»> // Собрание сочинений. М., 2012. Т. 3. С. 180–335.

¹⁶ Огрызко В. В. Анна Павловна Неркаги // Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока: библиографический справочник: в 2 ч. М., 1998. Ч. 1. С. 509.

Ю. Н. Шесталов сделал попытку продолжить данный ряд — «Сказками бабушки».

Очевидно, что угро-самодийские литераторы искали крупную художественную форму. Необходимость ее появления подсказывали высокие официальные оценки такого рода ансамблевых крупных форм в других национальных литературах страны, например «Повестей гор и степей» Ч. Т. Айтматова (Ленинская премия), «Моего Дагестана» Р. Г. Гамзатова (Ленинская премия). На этом пути мастера слова Северного Зауралья понадобилась помощь русских переводчиков и соавторов. В результате совместных усилий родился роман-сказание А. М. Коньковой и Г. К. Сазонова «И лун медлительных поток...», имеющий гибридную основу (сочетание жанра Нового времени — романа и фольклорного — сказания), но на самом деле ориентированный на древнюю нравоописательную прозу,²⁰ а также «Языческая поэма» Ю. Н. Шесталова, связанная с работой десятка (преимущественно ленинградских) переводчиков²¹ и отмеченная премией РСФСР им. Горького. Вообще работа национальных мастеров слова с русскими соавторами нередко носила конфликтный характер. Так, Г. К. Сазонов собирался текст «И лун медлительных поток...» издать лишь под своей фамилией, и только публичный протест мансийской сказительницы А. М. Коньковой, обращенный к руководителю регионального отделения Союза писателей К. Я. Лагунову, позволил разрешить эту ситуацию, и произведение вышло в Свердловском издательстве в соавторстве. Сотрудничество хантыйской сказительницы Т. С. Чучелиной, родившейся так же, как и И. Г. Истомина и А. М. Конькова, в 1910-е гг., с русскими литераторами, в частности с Г. И. Слинкиной, было весьма мирным и конструктивным. Издания хантыйских сказок согласованно шли как под двумя фамилиями, так и под одной из них.²² Не отличались

ровностью отношения между литераторами внутри этносообществ: так, ненец Л. В. Лапцуй своими официальными обращениями в разные инстанции пытался препятствовать публикации повести «Илир» ненки А. П. Неркаги, и только твердая позиция К. Я. Лагунова разрешила этот личностный и межпоколенческий конфликт; А. С. Тарханов, ощущая себя «вечно вторым» в мансийской литературе после ровесника Ю. Н. Шесталова, был обычно нелюбим в устных оценках коллеги по цеху.

Крупным этнопроектом постсоветского периода следует признать серию региональных изданий книги лесного ненца Ю. К. Вэллы «Поговори со мной». Этот проект автор инициировал и готовил к изданию каждый раз сам: его работа включала поиск носителя другого языка с адекватными литературными возможностями, смену иллюстративного ряда и формата издания, изготовление оригинал-макета и нахождение спонсора. В результате усилий Ю. К. Вэллы на свет появились издания: русско-эстонское (2004), русско-французское (2004), русско-венгерское (2006), русско-английское (2007), русско-тюркское (башкирский диалект, сибирскотатарский, кумыкский, казанский татарский языки, лесной и ямальский диалекты ненецкого языка) (2013).

Показательно и то, что Ю. К. Вэлла, будучи преимущественно русскоязычным поэтом, то есть работая, в отличие, скажем, от манси Ю. Н. Шесталова, без переводчика, включился в создание ряда обобщающих книг о бытовом и духовном строе угро-самодийских народов. Его книга «Триптихи (Три по семь)» (2001) (с параллельным текстом на французском языке), как памятник и манифест ненецкого самосознания, по сути, завершает «угро-самодийский канон» региона с мансийскими «Языческой поэмой» Ю. Н. Шесталова, романом-сказанием «И лун медлительных поток...» А. М. Коньковой и Г. К. Сазонова, хантыйской повестью «У гаснущего очага» Е. Д. Айпина. Кроме того, еще одну программную книгу «Ветерок с озера (7 × 7)» Ю. К. Вэлла издал с параллельным переводом на английский язык в 2008 г. Тем самым он сделал свои этнопроекты доступными читателям двух массовых (английского и французского) европейских языков. В качестве значимого этнопроекта следует назвать и «опыт топонимического словаря» бассейна р. Аган, выпущенного Ю. К. Вэллой в двух частях в 2010 и 2012 гг., где первая часть повествует о топонимике вдоль русла реки, а вторая — о топонимике ее притоков.

²⁰ См.: Поспелов Г. Н. Проблемы исторического развития литературы. М., 1972. С. 175–189.

²¹ Перечислим этих переводчиков: Е. Винокуров, Я. Гордин, И. Григорьева, Н. Грудинина, Н. Злотников, А. Кушнер, И. Озерова, А. Поперечный, В. Португалов, Г. Семёнов, Н. Старшинов, Д. Сухарев, В. Фалей, И. Фояков, В. Цыбин, О. Шестинский. Однако отметим, что со временем Ю. Н. Шесталов перестал обозначать принадлежность текстов русским переводчикам, подменяя всё это подписью «авторизованный перевод», а затем и вовсе исключал в массовых изданиях указания на совместную работу с русскими литераторами.

²² См.: Слинкина Г., Чучелина Т. Олле и гусь-богатырь: сказки. Свердловск, 1989; Слинкина Г. Как мышата и лягушата внучатами стали: хантыйские сказки. Екатеринбург, 1992; Чучелина Т. Сказки Югры. М., 1995.

Связан с инициативой Ю. К. Вэллы и проект серии «Экология и книга», осуществляемый в г. Излучинске, в частности он включает издание наборов закладок с выдержками из произведений местных литераторов («О вечном» Ю. Вэллы (2001), «Ковсой чи (загадки от Татвы)» (2002), «О природе с тревогой и заботой (по творчеству писателей Нижневартовского района)» (2005) и др.). На своем стойбище писатель, по согласованию с районными властями, организовал школу, где обучались его сыновья и проживал учитель. Кроме того, на этом стойбище длительное время проживали и работали этнографы из России, Венгрии и Германии, накапливавшие не только письменный, но и видеоматериал. Из наших личных бесед с Ю. К. Вэллой на стойбище, в поселке Варьёган и в Тюмени прояснилось, что в круг его чтения входит преимущественно классика национальных литератур империи, например «Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставели (перевод Н. Заболоцкого), «Басни» И. Крылова, что за текущим литературным процессом он не следит и считает, что много читать писателю вредно, что это отвлекает от собственного творчества, однако он же специально изучал хантыйский фольклор, так как, на его взгляд, последний более богат, чем ненецкий.²³

Значительными инициативными этнопроектами характеризуется жизнетворчество тундровой ненки А. П. Неркаги в постсоветский период. Главным из них является создание школы семейно-родового вида на фактории Лаборовой Приуральского района ЯНАО.²⁴ Писатель исходит из убеждения, что взрослое население Севера уже испорчено дьявольской цивилизацией и поэтому в ее личную миссию, как Титана и помощника Бога, входит правильное воспитание именно детей, преимущественно сирот. Ей удалось практически в тундре организовать возведение православного храма Архангела Михаила — к нему детей ведет территория, наполненная природными камнями с формульными надписями, созданными самой А. П. Неркаги. Кроме собственно религиозного начала, школа построена по

принципам этнопедагогике, включает трудовое воспитание, однако, очевидно, и языческий компонент в ее программе наличествует: «Я увожу детей далеко в тундру Полярного Урала и говорю им: “Бегайте по полянам — чтобы земля слышала, как вы смеетесь! Земля ждала вас — бегайте! Бегайте по ней кругами — она чувствует на себе ваши ноги!”»²⁵ Патриарх Кирилл лично посетил Ямал и городок «Земля Надежды», миссионерская деятельность А. П. Неркаги была отмечена Патриаршей премией.

К собственно писательским этнопроектам А. П. Неркаги относится замысел семикнижия, который за последнюю четверть века неоднократно реформатировался. Специалисты считают, что он связан с новым духовным видением автора и соответствующей ему стратегией письма, отходящей от традиционной литературности. В качестве составляющих этого проекта следует назвать тексты А. П. Неркаги «Молчащий», «Мудрые изречения ненецкого народа», «Песнь Творцу».²⁶ Именно семикнижие задумано писательницей неслучайно, так как для ненцев семь («си́ив») — «это то, через что открывается (связывается, достигается) всё».²⁷ Поэтому и в интервью А. П. Неркаги подчеркивает: «Мы еще достроили маленькие церквушки семи Архангелов».²⁸ Поэтому и Ю. К. Вэлла именуется свои программные книги «Триптихи (Три по семь)», «Ветерок с озера (7 × 7)».²⁹ Семичастной является и структура программной книги аганского ханта Е. Д. Айпина «У гаснущего очага».

В качестве крупного федерального проекта сегодня следует рассматривать продвижение с помощью административного ресурса одного из русскоязычных представителей угро-самодийских народов на Нобелевскую премию по литературе. Эта идея родилась в ХМАО — Югре еще в середине 1990-х гг., и выбор тогда пал

²³ См. об этом подробнее: Комаров С. А., Лагунова О. К. Литература Сибири: миссия, этничность, аксиология. Тюмень, 2016. С. 85, 86.

²⁴ См.: Цымбалистенко Н. В. Формирование развивающе-образовательной среды школы семейно-родового вида на фактории Лаборова Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа // Реальность этноса. Глобализация и национальные традиции образования в контексте Болонского процесса. СПб., 2005. С. 436–439.

²⁵ Костецкий В. В. Неошаманизм и истоки шаманизма (к вопросу о теоретических предпосылках традиционного мировоззрения коренных народов «циркумпольной цивилизации») // Реальность этноса. Этнонациональные аспекты модернизации образования. СПб., 2003. С. 574–577.

²⁶ См.: Неркаги А. П. Собрание сочинений: в 2 т. Тюмень, 2017.

²⁷ Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 393, 394.

²⁸ Интервью с Анной Неркаги // Неркаги А. П. Собрание сочинений. Т. 2. С. 264.

²⁹ См. подробнее об аксиологии слова и композиции книг Ю. К. Вэллы, включая символику числа: Лагунова О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги). Тюмень, 2007. С. 151–161, 200–209.

на творчество Е. Д. Айпина. Одним из элементов данного проекта стало учреждение издательством «Амфора» в Санкт-Петербурге серии «Будущие Нобелевские лауреаты», в которой был издан роман Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» (2010).³⁰

В 2010-е гг. активизировались усилия по продвижению на Нобелевскую премию сразу двух мастеров слова — Е. Д. Айпина и А. П. Неркаги, которую в 2013 и 2018 гг. Уральский федеральный университет выдвигал в качестве номинанта. В рамках проекта было подготовлено издание ее произведений на испанском и английском языках, вышли трехтомник ее прозы с научными комментариями (текстологический и этнофилологический), коллективная монография о прозе Неркаги в контексте русскоязычной культуры последней трети XX в. (2019).

Наиболее сложным, на наш взгляд, и труднопознаваемым является вопрос о культуре традиционализма в художественной стратегии писателей угро-самодийских народов.

Современная семиотика в интерпретации одного из ее авторитетных специалистов³¹ выработала новые подходы к пониманию самой природы архаики. Она исходит из того, что архаическое мышление особой цельностью не обладало и обладать не могло. Наоборот, архаическое мышление было принципиально дробным и не многоуровневым. Картинка в нем собиралась и соединялась от мини-частного к общему, как своего рода конструктор. Уровни были не взаимосвязаны, а наоборот, скорее параллельны и самостоятельны. Каждый дробный элемент был максимально отделен, самоценен и максимально нагружался значениями (семантикой) в этой отдельности от других элементов. Через данный механизм архаическим человеком как звенья-бусы собирались отдельные ряды значений и смыслов, а также функций. Упорядоченность накапливалась внутри рядов постепенно и по мере

продвижения опыта использовалась. Эти рядность и семиотичность, будучи процессуальными, формировали внутреннюю структуру миров: верхнего, нижнего, среднего. Накопление смыслов и значений ими шло не параллельно, с большими задержками и лагунами. Данная кумулятивность с пропуском звеньев, элементов, наличием прямых пустот знаков, еще не обеспеченных относительно твердыми значениями, лежит в основе большинства архаических структур.

В результате мифо-фольклорное архаическое мышление, а также его еще домифологические формы и форматы были заинтересованы в закреплении значений за дробными мини-объектами. Закрепить эту связь можно было практически только через звук, голос и слово, причем в некоей образной формуле, лишенной понятийных обертон.

По сути, классическая работа А. А. Потебни «Мышление и язык» выявляет и закрепляет описанную выше логику. Именно с движением и омертвлением внутриобразной природы слова происходит снижение символическо-семантического потенциала современных языков (особенно в англосаксонской культуре), в которых доминируют именно понятийность, а отсюда продвинутость научно-естественных дискурсов, а также переход от создания *произведений* к созданию *текстов*, происходит общее падение их поэтичности.

Таким образом, в вопросе об архаичности необходимо вернуться к выявлению форм повтора, кольца, малых фольклорных жанров (пословицы, поговорки и т. п.), а также к разговору о формульности фольклора, его аксиологических оснований (опора на календарно-трудовой цикл жизни — опять идея круга и сочленения его звеньев как протообраза бессмертия жизни без выявления ее начала и конца).

Акцент, видимо, должен быть сделан на глагольно-действенной природе слова, так как именно глагольные формы фиксируют положение героя в пространстве и мотивацию его внешней и по аналогии внутренней активности. Неслучайно повествовательная структура предложений и текстов Е. Д. Айпина строится именно через цепи глагольных форм. Большинство этих форм выражают наиболее общие и типовые действия человека (героя).

Согласно фольклорным стандартам, у айпинских героев практически отсутствуют портреты, он избегает пейзажных фрагментов

³⁰ О концептологии малых и крупных форм в творчестве Е. Д. Айпина см.: Комаров С. А., Лагунова О. К. Особенности самоописания в творчестве русскоязычного хантыйского прозаика Е. Д. Айпина // Урал. ист. вестн. 2018. № 2 (59). С. 109–114.

³¹ См.: Выступление на круглом столе научной конференции «Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ» (24–26 сентября 2020 г., г. Барнаул) профессора С. Г. Проскурина (г. Новосибирск). См. также: Проскурин С. Г., Проскурина А. В. Кольцевая композиция как семиотическая деталь нарратива // Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ. Барнаул, 2020. С. 272–280.

(отсутствует детализация), чаще всего даются наиболее общие, обобщенные характеристики пространства, имеющие, скорее всего, назывную природу, в речевом строе не используются эпитеты, если они и есть, то чаще всего не оригинальные, а общеформульные, постоянные, как в фольклоре.

О фольклорности мышления свидетельствуют и структуры путешествия, через которые организуется событийное поле (сюжет). Диалоговые структуры между персонажами в текстах почти отсутствуют — фиксируются разговоры, их содержание через косвенную речь повествователя и его прямые оценки сказанного.

Устная речь, ее фольклорность выражается в смешанности дискурсов, неразграниченности особых стилевых повествовательных зон в тексте. Именно фольклорность сознания писателя создает эту смешанность, непрофильрованность стилистического художественного слова.

Внимание автора именно к описанию пространства и практическое отсутствие разговора о времени (за исключением, пожалуй, суточных привязок) — это тоже признак мифо-фольклорного ряда, его особого порядка — перехода от временного хаоса к правилу и закону должной жизни, которая коллективна, ведь она фольклорна и опирается на общенародную истину, которая одна для всех.

Теперь необходимо особо сказать об использовании Е. Д. Айпиным крупных повествовательных форм. Это то, что он именуется «романами» и «книгами» («Ханты, или Звезда Утренней Зари», «Божья Матерь в кровавых снегах», «У гаснущего очага», «Река-Январь»). Согласно законам фольклорного мышления, эти крупные формы не могут и не могли быть иницированы и порождены индивидуальным мышлением автора, не готового (по законам исторической поэтики)³² к подобного рода инициативам, характерным для посттрадиционалистской стадии развития художественной словесности. В хантыйской словесной культуре эта стадия пока отсутствует. Сила хантыйской словесной культуры — в ее традиционалистичности.

Традиционалистичность предполагает работу автора исключительно по уже готовому тематическому и жанровому образцу. Причем

неважно, у кого и когда этот образец взят, изъят и освоен. Главное, что он есть, что автор решил работать именно по нему в данный момент, это и есть его замысел. Он (автор / Е. Д. Айпин) в качестве посвященного в силу бессмертия своего народа и его связи с высшими силами принимает на себя весь труд и ответственность говорить о своем народе в данном избранном формате.³³ Именно это определяет истинность импульса для творчества (то, что сам Е. Д. Айпин обозначает творческим полетом посвященного в шаманство слова).

В силу русскоязычности Е. Д. Айпина, его веры в русский язык как второй родной для него лично язык, а также в силу его искреннего уважения к русской/российской культуре (в том числе по соображениям общественной карьеры), его так называемые заимствования производятся из арсенала русской литературы второй половины XX в. (В. Белов, Ю. Трифонов) или арсенала национальных советских писателей, создавших свои тексты опять же на русском языке (Ч. Айтматов) и ставших на нем международно признанными фигурами.

Здесь для сознания Е. Д. Айпина важно то, что есть эстетическая законченная форма, которая оценена и признана в качестве образцовой общим имперским сознанием. Более того, именно эстетика и идеология большой советской империи предлагали национальным писателям из других малочисленных народов страны сознательно ориентироваться на данные образцы в качестве самых верных ориентиров.

Что объединяет все эти тексты для Е. Д. Айпина — читателя и писателя? Во-первых, из беседы с Е. Д. Айпиным в Ханты-Мансийске (у него на квартире) (октябрь 2019 г.) прояснился журнальный круг его почти постоянного чтения в 1970–1980-е гг. — это столичные журналы «Новый мир», «Наш современник». Именно в этих журналах были опубликованы «Лад» В. И. Белова,³⁴ «Опрокинутый дом» Ю. В. Трифонова.³⁵

Что касается книги В. Белова «Лад», то мифо-фольклорное сознание Е. Д. Айпина практически прямо реферирует и тематическую, и композиционную рамку этого выдающегося произведения о народной эстетике и этике русского народа.

³² См.: Категории поэтики в смене литературных эпох / Аверинцев С. С. [и др.] // Историческая поэтика. Литературная эпоха и типы художественного сознания. М., 1994. С. 3–38; Бройтман С. Н. Историческая поэтика. М., 2001.

³³ См.: Лагунова О. К. Феномен творчества... С. 211, 212.

³⁴ См.: Наш современник. 1979. № 10, 12; 1980. № 3; 1981. № 1, 5, 6, 7; Белов В. И. Лад: очерки о народной эстетике. М., 1982.

³⁵ См.: Новый мир. 1981. № 7. С. 58–87.

Повторимся, отступлений от образца у Е. Д. Айпина и не предполагается, наоборот, следование найденной схеме производится последовательно и целенаправленно. И не потому, что Е. Д. Айпин не понимает чего-то из того, что он делает. Именно традиционалистское мышление хантыйского писателя, то есть его работа по готовому и правильному образцу, создает эту технологию вышивания по готовой рамке. В ней найдены и предустановлены все необходимые тематические пропорции, есть прямой ориентир на комплексный разговор автора с читателем о сущности народной жизни. Василий Белов делает это на своем национальном материале — русском, Еремей Айпин — на своем хантыйском материале, и они точно не совпадают по специфике содержания и знанию прозаиком сущностных характеристик своего народа.

Иначе говоря, Е. Д. Айпин честно выполняет свою миссию посвященного, он излагает общее истинное коллективное знание. И в этом он равен русскому мастеру В. И. Белову. Здесь нет соревнования или заимствования. С точки зрения традиционалистского сознания — это правильно выполненная писателем работа, это исполнение им своего долга в качестве посвященного, это общий механизм (закон) определенной духовно-исторической фазы развития словесной культуры.

В данном же свете обозначим сравнительную характеристику двух повествований — «Опрокинутого дома» Ю. В. Трифонова и «Ре-

ки-в-Январе» Е. Д. Айпина. В центре обоих текстов — путешествующий писатель. Прозаиками используется традиционный сюжет путешествия, характерный для фольклорного сознания. Это некое свободное перемещение не просто в пространстве, а по памяти всей своей жизни — от детства и юности к зрелости и итогам. Общность также в выходе за территориальные пределы своей страны. Герой становится как бы гражданином всего мира, однако его путешествие затрагивает личные переживания и жизненные императивы. Отсюда скрепами текста у Айпина и Трифонова становятся универсальные этико-эмоциональные формулы.³⁶ Общность здесь в прямом концепте «опрокинутого дома» и в необходимости для конкретного героя в духовном путешествии утвердить неотменяемую систему императивов, которая в своей универсальности позволила бы этот «опрокинутый дом» если не восстановить, то хотя бы удержать и усовершенствовать.

Более того, представители коренных малочисленных народов Севера видят свою жизненную философию в качестве опорной для всей страны, ведь, с их точки зрения, «россияне — северяне, сибиряки — независимо от фактического места проживания», ведь «зима в России — не время года, а состояние души», и «белый символ березы — символ России, символ Севера — белеет зимой и летом», то есть «для России Север — это, собственно, и есть географический символ России»,³⁷ и «Бог на этот раз придет с Севера».³⁸

Sergey A. Komarov

Doctor of Philological Sciences, Tyumen State University (Russia, Tyumen)
E-mail: vitmark14@yandex.ru

Olga K. Lagunova

Doctor of Philological Sciences, Tyumen State University (Russia, Tyumen)
E-mail: vitmark14@yandex.ru

MASTERS OF THE SPOKEN WORD OF RUSSIA'S UGRIC- SAMOYEDIC PEOPLES:
ETHNIC PROJECTS, TRADITIONALISM, REGIONAL CONTEXT

The article systematically defines and analyzes the project initiatives by the masters of the spoken word among three generations of the Mansi, Nents, and Khanty peoples. The first generation includes those born in the 1910s (Ivan Istomin — Nenets; Anna Konkova — Mansi; Taisiya Chuchelina — Khanty), the second one — those born in the 1930s (Yuvan Shestalov and Andrey

³⁶ См.: Лагунова О. К. Путевые заметки Е. Д. Айпина как этнопоэтическое описание // Дергачевские чтения-2018: Литература регионов в свете гео- и этнопоэтики. Екатеринбург, 2019. С. 308–314.

³⁷ Шесталов Ю. Н. Север как фактор интеграции культуры и цивилизации // Реальность этноса. Образование и проблемы межэтнической коммуникации. СПб., 2002. С. 549, 550.

³⁸ Интервью с Анной Неркаги... С. 263.

Tarkhanov — Mansi; Leonid Lapsuy — Nenets; Mariya Vagatova and Roman Rugin — Khanty), and the third one — those born at the turn of the 1940s–1950s (Anna Nerkagi and Yuriy Vella — Nenets; Yeremey Aypin — Khanty). The authors of the article describe motivational environment for the creative endeavor of the spiritual leaders of indigenous minorities within the historical and cultural dynamics of the region they are biographically related to. In addition, the semiotic foundations of syncretism and traditionalism of the ethnosubjects' fiction are presented in all the diversity of their written and action projects. This article indicates the transformation in the identities of the masters of the spoken word during the country's transition from the Soviet to the post-Soviet experience, as well as difficulties and nature of their presence in writers' associations among Russian authors. Along the historical axis, one can see growing creative endeavor, initiative, and national identity of the representatives of the indigenous minorities of the northern regions. The authors of the article consider Ugric-Samoyedic writers' experience within the framework of contemporary understanding of historical poetics of Russian philology.

Keywords: *Ugric-Samoyedic peoples, masters of the spoken word, ethnic projects, traditionalism, regional context, generation, Soviet civilization, post-Soviet development*

REFERENCES

- Averintsev S. S., Andreev M. L., Gasparov M. L., Grintser P. A., Mikhailov A. V. [Categories of poetics in the change of literary eras]. *Istoricheskaya poetika. Literaturnaya epokha i tipy khudozhestvennogo soznaniya* [Historical Poetics. Literary era and types of artistic consciousness]. Moscow: Nauka Publ., 1994, pp. 3–38. (in Russ.).
- Bakhtin M. M. [The Bildungsroman and Its Significance in the History of Realism (Toward a Historical Typology of the Novel)]. *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012, vol. 3, pp. 180–335. (in Russ.).
- Baldanov S. Zh. [Definition of the essence of the concept “Siberia — a single folklore and literary polyethnic space”]. *Materialy nauch.-praktich. konf. prepodavateley i sotrudnikov BGU* [Materials of the Sci.-Pract. Conf. of teachers and staff of BSU]. Ulan-Ude: BurGU Publ., 2002, pp. 3–10. (in Russ.).
- Belov V. I. *Lad: ocherki o narodnoy estetike* [Harmony: essays on folk aesthetics]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1982. (in Russ.).
- Bikmukhametov R. G. *Orbity vzaimodeystviy* [Orbits of interactions]. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1983. (in Russ.).
- Broitman S. M. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow: RGGU Publ., 2001. (in Russ.).
- Chernyshov A. V. *Tyumenskomu otdeleniyu Soyuza pisateley — 40 let (1963–2003)* [Tyumen branch of the Writers' Union is 40 years old (1963–2003)]. Tyumen: Vector Buk Publ., 2003. (in Russ.).
- Etkind A. *Vnutrennyaya kolonizatsiya: Imperskiy opyt Rossii* [Internal Colonization: Russia's Imperial Experience]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2018. (in Russ.).
- Fedorova N. N. [Northern visual style. Formation paths: 1920s–1930s. Konstantin Pankov]. *Kosmos Severa* [Space of the North]. Ekaterinburg: Sredne-Ural'skoye knizhnoye izd-vo Publ., 2005, iss. 4, pp. 48–57. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Govoryashchiye ku'tury: traditsii samodiytsev i ugrov* [Talking cultures: Samoyed and Ugrian traditions]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 1995. (in Russ.).
- Komarov S. A., Lagunova O. K. [Modernization challenge in the literature of Siberia: a methodological perspective]. *Fundamental'nyye problemy gumanitarnykh nauk: opyt i perspektivy razvitiya issledovatel'skikh proyektov RFFI* [Fundamental problems of the humanities: experience and prospects for the development of research projects of the RFBR]. Barnaul: AltGPU Publ., 2020, pp. 317–320. (in Russ.).
- Komarov S. A., Lagunova O. K. [Specifics of self-description in the works of a Russian language Khanty author E. D. Aipin]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2018, no. 2 (59), pp. 109–114. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-2(59)-109-114 (in Russ.).
- Komarov S. A., Lagunova O. K. *Literatura Sibiri: missiya, etnichnost', aksiologiya* [Literature of Siberia: mission, ethnicity, axiology]. Tyumen: TyumGU Publ., 2016. (in Russ.).
- Kostetskiy V. V. [Neoshamanism and the origins of shamanism (to the question of theoretical premises of a traditional worldview of the indigenous peoples of the “circumpolar civilization”). *Real'nost' etnosa. Etnonatsional'nyye aspekty modernizatsii obrazovaniya* [Reality of Ethnos. Ethno-national aspects of education modernization]. Saint Petersburg: Asterion Publ., 2003, pp. 574–577. (in Russ.).

- Lagunov K. Ya. *Portrety bez retushi* [Portraits without retouching]. Tyumen: IPK PK Publ., 1994. (in Russ.).
- Lagunova O. K. [Travel notes of E. D. Aipin as an ethnopoetic description]. *Dergachevskiy chteniya — 2018: Literatura regionov v svete geo- i etnopoetiki* [Dergachev Readings — 2018: Literature of the Regions in the Light of Geo- and Ethnopoetics]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2019, pp. 308–314. (in Russ.).
- Lagunova O. K. *Fenomen tvorchestva russkoyazychnykh pisateley nentsev i khantov posledney treti XX veka* (E. Aypin, Yu. Vella, A. Nerkagi) [The phenomenon of creativity of the Russian-speaking Nenets and Khanty writers in the last third of the 20th century (E. Aipin, Yu. Vella, A. Nerkagi)]. Tyumen: TyumGU Publ., 2007. (in Russ.).
- Meletinsky E. M. *Vvedeniye v istoricheskuyu poetiku eposa i romana* [Introduction to historical poetics of the epic and the novel]. Moscow: Nauka Publ., 1986. (in Russ.).
- Ogryzko V. V. [Anna Pavlovna Nerkagi]. *Pisateli i literatorty malochislennykh narodov Severa i Dal'nego Vostoka: Biobibliograficheskiy spravochnik: v 2 ch.* [Writers and literators of small peoples of the North and the Far East: Biobibliographical handbook: in 2 vol.]. Moscow: Kontsern "Literaturnaya Rossiya" Publ., 1998, part 1, pp. 508–517. (in Russ.).
- Oskotsky V. D. [Soviet literature]. *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Literary encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1987, pp. 389–392. (in Russ.).
- Pospelov G. N. *Problemy istoricheskogo razvitiya literatury* [Problems of the historical development of literature]. Moscow: Prosveshcheniye Publ., 1972. (in Russ.).
- Proskurin S. G., Proskurina A. V. [Annular composition as a narrative's semiotic detail]. *Fundamental'nyye problemy gumanitarnykh nauk: opyt i perspektivy razvitiya issledovatel'skikh proyektov RFFI* [Fundamental problems of the humanities: experience and prospects for the development of research projects of the RFBR]. Barnaul: AltGPU Publ., 2020, pp. 272–280. (in Russ.).
- Proza A. Nerkagi v kontekste russkoyazychnoy kul'tury posledney treti XX veka* [A. Nerkagi's prose in the context of the Russian-language culture of the last third of the 20th century]. Tyumen: TyumGU Publ., 2019. (in Russ.).
- Severovedeniye v Gertsenovskom universitete. Institut narodov Severa* [Northern Studies at Herzen University. Institute of the Peoples of the North]. Saint Petersburg: Asterion Publ., 2003. (in Russ.).
- Shestakov Yu. N. [The North as a Factor of Integration of Culture and Civilization]. *Real'nost' etnosa. Obrazovaniye i problemy mezhetnicheskoy kommunikatsii* [Reality of Ethnos. Education and problems of interethnic communication]. Saint Petersburg: Asterion Publ., 2002, pp. 549–550. (in Russ.).
- Sinyavsky A. D. *Osnovy sovetskoy tsivilizatsii* [Fundamentals of Soviet civilization]. Moscow: Agraf Publ., 2001. (in Russ.).
- Tsymbalistenko N. V. [Formation of a developing and educational environment of a family-clan type school at the Laborovaya trading post of the Priuralsky district of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug]. *Real'nost' etnosa. Globalizatsiya i natsional'nyye traditsii obrazovaniya v kontekste Bolonskogo protsessa* [Reality of Ethnos. Globalization and national traditions of education in the context of the Bologna process]. Saint Petersburg: Asterion Publ., 2005, pp. 436–439. (in Russ.).